

Секция «Политические науки»

**«Возвращение» России в Латинскую Америку в контексте «перезагрузки»
в отношениях Москвы и Вашингтона**

Щербакова Анна Дмитриевна

Кандидат наук

Институт Латинской Америки РАН, Москва, Россия

E-mail: anna_scherbakova@list.ru

В феврале 2009 г. на Мюнхенской конференции по безопасности вице-президент США Дж. Байден первым употребил термин «перезагрузка» в контексте американо-российских контактов, заявив, что Соединенные Штаты готовы начать отношения с Россией «с чистого листа». Несколькими месяцами раньше, осенью 2008 г., в ходе латиноамериканского турне президент РФ Д.А. Медведев констатировал окончательное возвращение России в Латинскую Америку, ставшую одним из ключевых направлений внешней политики нашей страны.

В начале XXI в. крупнейшие латиноамериканские государства демонстрируют глобальные амбиции и собственное видение перспектив мирового порядка, уверенно выступая как самостоятельные игроки на международной арене. Это обстоятельство делает их потенциально привлекательными партнерами для Москвы не только в экономической, но и политической сферах. Однако активизация российской дипломатии в регионе, традиционно считавшимся сферой интересов США, зачастую ведет к осложнению достигнутого Кремлем и Белым домом взаимопонимания по ключевым вопросам двусторонней повестки.

Заметное сближение России с Венесуэлой является одним из таких «камней преткновения». В отношениях Москвы с Каракасом американские наблюдатели отчетливо усматривают преобладание геополитических соображений над экономическими, воспринимая сближение Кремля с наиболее радикально настроенным представителем левых режимов в регионе как очередную попытку противостояния влиянию США в Латинской Америке. Такие оценки обусловлены представлениями о том, что нынешняя внешняя политика России вновь базируется на стремлении к приобретению статуса сверхдержавы и позиционировании себя как таковой в отношениях с партнерами на международной арене, в том числе и с США. Поэтому шаги Москвы, направленные на выстраивание многополярного миропорядка, американские эксперты трактуют как попытки превентивного сдерживания Вашингтона от нарушения российской концепции глобальной и региональной безопасности. В этом ключе курс Кремля на завоевание или укрепление позиций в Латинской Америке воспринимается американским политическим истеблишментом как действия, направленные на демонстрацию Белому дому того, что активность США на территории СНГ (исторически сложившейся сфере влияния Москвы) могут вызывать симметричный ответ России в Западном полушарии - регионе, традиционно воспринимающемся как естественная зона интересов Вашингтона.

Прежде всего, настороженное отношение США вызывает интенсификация российско-венесуэльского сотрудничества в военно-технической сфере, включающее не только масштабные приобретения Каракасом российского оружия и военных технологий, но и строительство предприятий для их лицензионной сборки и обслуживания. Объемы

проданного Москвой с 2004 г. оружия вызывают тревогу в Белом доме поскольку, по мнению исследователей, они не имеют стратегического обоснования в силу отсутствия каких-либо военных угроз Венесуэле, но могут спровоцировать возобновление гонки вооружений в регионе. В то же время проведение совместных российско-венесуэльских военных учений, состоявшихся в Карибском море в сентябре 2008 г. вблизи территориальных вод США, было расценено экспертами как не более чем симметричный ответ на присутствие американских военных кораблей в Черном море во время грузино-осетинского конфликта.

Важной составляющей российско-венесуэльского «стратегического альянса» также является взаимодействие в энергетической сфере, прежде всего, экспорт энергоресурсов, который, как считают американские аналитики, рассматривается обеими сторонами как средство для достижения внешнеполитических целей. Подписанное межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере атомной энергетики, строительстве и эксплуатации АЭС на территории Венесуэлы вызывает озабоченность Белого дома в контексте существующих контактов Каракаса с Тегераном.

Американские аналитики выделяют еще одно важное направление политики Москвы в регионе – ее интерес к интеграционным процессам, главным образом, в рамках Меркосур, объясняемый, по их мнению, лоббированием идеи многополярного мира. В этом контексте логичным представляется стремление России к укреплению установившихся экономических и политических связей с Бразилией как крупнейшей южноамериканской экономикой и региональной державой. Кроме того, по мнению Белого дома, в интенсификации взаимодействия с Бразилией и Аргентиной Кремль преследует цель расширения зоны своего торгового, а в перспективе и политического влияния за пределы государств, лидеры которых демонстрируют антиамериканские настроения. В будущем это может способствовать укреплению конкурентных позиций России в регионе по отношению к США не только в торгово-экономической, но и политической сферах.

В то же время американские эксперты не склонны преувеличивать возможности влияния Москвы в Южной Америке, что обусловлено рядом объективных факторов, главным образом, опять же экономических. В частности, даже представители российских компаний, действующих в регионе, признают, что в ближайшей перспективе присутствие России в регионе будет очень незначительным. Так, несмотря на заявления Москвы и Каракаса о стремлении к созданию совместных нефте- и газодобывающих корпораций, российская сторона не располагает достаточным количеством свободных средств для инвестиций в подобные проекты. Это позволяет США достаточно скептически воспринимать способность России преобразовать установившиеся связи с Венесуэлой в долгосрочное стратегическое партнерство, базирующееся на широкомасштабных инвестициях и в перспективе ведущее к координации действий на международной арене.

Восприятие политического истэблишмента США российской политики в Латинской Америке остается двойственным. С одной стороны, внешнеполитический курс Москвы в целом оценивается как долгосрочная стратегия, направленная на противодействие американскому влиянию в регионе. С другой – констатируется преобладание экономической составляющей, нежели внешнеэкономических задач, преследующих геополитические цели. Кроме того, общий подход Москвы к формулированию латиноамериканской политики, по мнению Вашингтона, не демонстрирует подлинного интереса к

континенту и целостного видения происходящих там процессов. В результате, несмотря на декларируемую общность политических целей, взаимодействие России со странами региона остается преимущественно двусторонним и нацеленным на достижение экономических выгод.